

**Русские ментальные концепты в диалоге Ф. Искандера
«Думающий о России и американец»**

Диалог Фазиля Искандера «Думающий о России и американец» был написан в 1997 году. Это было время кризисное в духовном отношении, время крушения иллюзий и надежд, переоценки прежних ценностей. С другой стороны, это было еще и время начала процесса глобализации, попытка войти в мир, ранее закрытый для России, в мир, где уже было сформировано стереотипное представление о нашей стране.

Это своеобразная попытка сказать миру о своей сопричастности к нему, с другой стороны, это и демонстрация своей инаковости. Такое парадоксальное сочетание свидетельствует о том душевном разладе, который царил в душах русских людей после распада Советского Союза, когда они пытались определить свое место в огромном мире. Так, в произведении и герой – Думающий о России, и его собеседник – американец – неоднократно характеризуют Россию этого периода, и эта характеристика зачастую слишком мрачна. Сравнивая жизнь Америки и современной России, Думающий о России констатирует: *«У всех – быт. У нас – метафизика. Вы научились делать, не думая. А мы научились думать, не делая»* [2, с. 548]. Современное состояние страны герой оценивает как *«галопирующий распад при вялотекущем капитализме»*, и чтобы выжить в таких условиях необходимо *«проявлять гибельную веселость и распространять ее по всей стране»* [2, с. 556]. Конечных 90-х годов герой называет новым смутным временем и заключает: *«Боже, как грустна наша Россия!»* [2, с. 580].

Герой произведения в своих высказываниях зачастую оказывается парадоксальным, самоироничным, порой даже циничным. Подобная презентация самого себя (а благодаря наименованию – Думающий о России – и всех русских, и в конечном итоге всей России) обусловлена различными причинами. Во-первых, зачастую ироничен герой по отношению к тем аспектам жизни, ценностям, которые в советское время казались незыблемыми, а теперь настало время их отрицания, однако на уровне сознания отрицать их было легко, но подсознание диктовало иное. Максимализм переходной эпохи не предполагал полутонов. Отсюда и парадоксальность речей Думающего о России. Во-вторых, его собеседником был американец (своеобразный обобщенный образ иностранца с уже сформированным представлением о русских и России), которого нельзя было испугать совершенным несоответствием стереотипу, но которому еще и нужно было объясниться, показать себя. При этом русский человек переходной эпохи еще и сам не понимал, какой он, поэтому он одновременно и интеллигент, и совок, и начинающий капиталист, и демократ. Однако несомненно одно: он человек с русской душой.

В данной статье мы продолжаем интерпретировать такой глобальный ментальный русский культурный концепт, как душа.

Данный концепт исследовался неоднократно, о чем свидетельствует в соответствующей словарной статье Ю. Степанов [3, с. 569 - 573]. Самого ученого в большей степени интересовал лингвистический аспект и история возникновения концепта, мы же хотим остановиться на семантике этого культурного феномена и особенностях его функционирования на рубеже XX – XXI вв. В связи с такими временными рамками мы будем говорить о русской душе. Концептуализация этого феномена правомерна, поскольку концепт – это «сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека; или то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [3, с. 40]. Именно «загадочная русская душа» стала таким сгустком культуры для окружающего Россию мира.

В одной из статей, посвященных данной проблеме, мы уже говорили, что этот культурный феномен раскладывается на множество составляющих, своеобразных стереотипных образов, клише, концептов, которые являются маркерами русскости как для иностранцев, так и для самих русских [1]. В этой статье мы остановимся на таких образах, как любовь, женщина.

Исследуя концепт «любовь», Ю. Степанов подчеркивает, что традиционно в русской культуре любовь возвышенная – явление невыразимое, а если оно называется, презентуется в культурном тексте, то чаще этот концепт воплощает любовь сниженную, плотскую, земную. Одним из компонентов данного концепта исследователь считает «русский Эрос», определяя его как «психофизический акт, в котором духовные психические компоненты становятся ведущими, доминирующими и, главное, пусковыми. (...) Имеется в виду такой накал экстаза, экзальтации, психического напряжения, какой оказывается способным заменить запретную сексуальную технику (распространенную в дохристианской культуре). Это и есть наивысшая точка подлинной любви, того идеала, к которому стремятся миллионы» [3, с. 302]. Это и есть своеобразный синтез, который примиряет две основных составляющих этого культурного феномена – любовь земную (плотскую), и любовь небесную, возвышенную.

Тема любви в диалоге Ф. Искандера «Думающий о России и американец» возникает с подачи американца: «*Что вы думаете об этом загадочном чувстве, которое Пушкин неустанно воспевал?*» [2, с. 560]. Неслучайно он переходит к ней после разговора о Пушкине. Ведь в сознании большинства русских людей со школьной скамьи заложены представления о любви («*я помню чудное мгновенье*», «*я вас любил, любовь еще, быть может*», «*любви все возрасты покорны*» и т.д.), однако для многих они превратились в клише, поскольку зачастую этими строчками и ограничено знание любовной поэзии Пушкина. Герой произведения Искандера, Думающий о России, и вовсе пытается принизить само чувство, низвергая его до уровня половых отношений: «*Да, все тексты Пушкина, впрочем, как и Льва Толстого, плавают в спермическом бульоне...*» [2, с. 560]. Но нельзя забывать, что герой часто бывает ироничен и даже самоироничен. Он

избирает притчевую манеру объяснения себя миру (американцу), и иногда его начальный постулат, который должен притчей подтверждаться, ею опровергается. Так, доказывая, что любовь – это физиология (вспоминается популярный в то время анекдот о том, что любовь придумали русские, чтобы не платить денег), Думающий о России рассуждает о причинах ее возникновения и исчезновения (для него это и есть самая большая загадка). Он рассказывает историю взаимоотношений с девушкой, ради которой он шел на рискованные поступки до определенного времени, но позже все изменилось: *«А я все никак не пойму: почему месяц назад я вдохновенно докарабкался до ее окна, а сейчас не смог. И только потом я понял, в чем дело. Оказывается, я ее разлюбил. Когда я второй раз попытался долезть до ее окна, мускулы мне отказали. Они уже знали, что я не люблю, а я еще не знал...»* [2, с. 562]. Получается, что любовь все-таки есть, но ее осознать и объяснить человек не в силах, и эта любовь не ограничивается исключительно физиологией.

Концепт любовь непосредственно связан с концептом женщина (русская женщина, женственность). В произведении есть несколько эпизодов, которые раскрывают данную тему.

Конечно же, любой советский человек, говоря о русской женщине, имеет в своем культурном запасе некрасовскую цитату: *«...коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...»*, о чем вспоминает и герой Ф. Искандера. Однако этим не исчерпывается представление о ней. Так, Думающий о России заявляет американцу: *«Кому как не мне, Думающему о России, знать глубинные тайны русской женщины»* [2, с. 563]. В одном из эпизодов рассказывается история женщины *«из хорошей интеллигентной семьи, которая (семья) относилась к советской власти примерно как к победившей чуме»* [2, с. 561], которая влюбилась в лихого большевика. Автор особое внимание уделяет страданиям и жертвам, на которые идет влюбленная русская женщина, ее способности прощать вопиющие унижения и обиды. В целом картина не противоречит некрасовским строчкам. Однако финал этой истории парадоксальный: простив мужу измену наяву, его внутренней (может, даже мнимой) измены она ему не простила, тем самым обрекла его на гибель.

Показательна и история русской «феминистки» - так ее определяет американский социолог, хотя в сознании любого русского она не имеет никакого отношения к феминизму (как, собственно, и феминизм к русской культуре): *«Так вот, значит, идем мы с ним по тротуару одного из московских переулков. Впереди нас какая-то пара пожилых людей бродяжеского вида. Они ругаются. Через некоторое время мужчина, видимо исчерпав словесные аргументы, начинает лупить женщину. Я подбегаю к ним, а мой американец, пытаясь удержать меня, кричит: "Не вмешивайтесь! Это некультурно!" Ничего себе некультурно, когда мужик бьет бабу, хотя она и пытается отбиваться. Я подскочил, схватил его за руки и крепко держу: "Подлец! Как можно бить женщину?!" Он вырывается, кроет меня матом. Я продолжаю его крепко держать. И*

вдруг несколько увесистых ударов обрушиваются на мой затылок. Это женщина стала лупить меня, приговаривая: "Муж с женой спорят! Третий лишний!"» [2, с. 568].

Эта ситуация абсолютно по-разному интерпретируется русским и американцем: американец видит в ней женщину, стремящуюся ни в чем не уступать мужчине (бродяжничать, пить столько же, драться наравне с мужчиной), а Думаящий о России характеризует ситуацию как банальное выяснение отношений пьяной четы, что не редкость для России. Оценка ситуации у героев противоположная: американцы даже подобное стремление женщин выставляют напоказ и гордятся этим равноправием, а русские большей частью стесняются даже говорить о подобных взаимоотношениях и уж никак не гордятся этим. Этот нарочито сниженный женский образ свидетельствует о том, что писатели, говоря о конкретной, жизненной ситуации, не выражают любовь возвышенную, а рисуют сниженную, плотскую.

Однако в диалоге Ф. Искандера находится место и для размышлений о возвышенной любви, о женственности. И здесь автор до определенного момента остается верен этому возвышенному, правда, пока он говорит об абстрактной женщине, о женственности вообще: *«Правильное понимание природы женственности имеет отношение к будущему России. Основа женской поэтичности – робость. Женщина должна преувеличенно бояться за судьбу своих близких, должна преувеличенно бояться темноты, грозы, крыс, тараканов, плохих снов, тревожных предчувствий. Трепет робости – основа ее поэтичности. Татьяна, Лиза, где вы? Это возбуждает в мужчине влечение к ней, мужество и чувство ответственности. Разве вы не замечали – у мужей смелых женщин всегда растерянные лица. Нарушен баланс природы, хотя сами они могут этого не понимать до конца своих дней. Они растеряны, и от этого делаются робкими, а их смелые жены от этого делаются еще смелей и нахальней, от чего их мужья окончательно теряются. Беда стране, где слишком много смелых женщин. Робкая женщина может быть героична, как ласточка, защищающая своего птенца!» [2, с. 569]*

Однако такое философское и трепетное отношение героя к теме сохраняется только до того момента, пока он не начинает говорить о конкретных женщинах – тогда снова происходит откровенное снижение образа (балетные девочки-проститутки, некрасивая умная жена и красивая глупая любовница и др).

Образы русских женщин у Искандера в диалоге противоречивы, неоднозначны. Но в противовес им появляется в произведении образ американки, но образ этот схематичный, несколько ходульный: в нем выделяется только одна черта – глупость, недалекость, хотя это детерминируется средой чуждой героине. Американка ведет себя в России так, как привыкла вести себя в Америке, а это чревато проблемами. Хотя автор добр и снисходителен по отношению к ней: героиня в финале так и остается в счастливом неведении и не понимает, что ее обманули.

Таким образом, Ф. Искандер в своем произведении выразил свое отношение к проблеме, которая непосредственно связана с представлением о русских в мире. Он, как это часто бывает в русской литературе, не дал ответы на вопросы, а лишь подчеркнул противоречивость русского человека, русской души.

Список литературы

1. Жиганова, Е. П. Русские ментальные концепты в диалогах Ф. Искандера «Думающий о России и американец» // Е. П. Жиганова. – Язык и межкультурные коммуникации: материалы III Международной научной конференции. Минск – Вильнюс, 17 – 20 мая 2011 г. / БГПУ им. М. Танка; редкол. В. Д. Стариченок, Г. Кундротас. И. П. Кудреватых и др.; отв. ред. В. Д. Стариченок. – Минск: БГПУ, 2011. – С. 100 – 102.
2. Искандер, Ф. А. Рассказы, повесть, сказка, диалог, эссе, стихи / Ф. А. Искандер. – Екатеринбург: «У-Фактория», 1999. – 704 с.
3. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.